

Бэлла Слесарченко

Надоело
брить ноги

27 поэтических жемчужин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Бэлла Слесарченко

Надоело брить ноги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67925097

SelfPub; 2022

Аннотация

Эта небольшая книжка стихов – не обычный поэтический сборник очередного сетевого поэта, решившего выплеснуть на читателя своё творчество. Это сборник-увертюра, сборник-предтеча, начало реализации грандиозного замысла яркой и самобытной поэтессы.

Как когда-то написал о ней сетевой журнал поэзии «Буквица», «Неутомимая и выдумчивая поэтесса-пародесса, она сама суть самый блестящий пародийный персонаж "Самиздата" за всю его почти восьмилетнюю историю».

Идею этого сборника предложил автору сам А.С. Пушкин. И он же посоветовал продавать его бесплатно.

Читайте и наслаждайтесь.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Роковой визит Пушкина. Вместо предисловия.	5
Допустим	9
Анна Каренина	12
Филармонический коньяк	15
Предел жизни	17
О сатанинской природе графомании	18
И скушно, и грустно...	20
Пахнет август опавшей листвой...	21
Осень это маленькая смерть...	22
Конец света	24
На рыбалке хорошо!	26
Айда по грибы!	27
Ночное приключение	31
Надоело брить ноги	34
Белый танец живота	36
Катастрофа на Дунае	37
Руки	39
Цунами любви	41
Мужу изменила	43
А козлы этим пользуются	45
Прощальное	48
Бутылка мадеры	50
Папы индиго	51

Воспоминания об «Авроре»	57
Сосушим чужое	59
Белый квадрат Слесарченко	61

Бэлла Слесарченко

Надоело брить ноги

Роковой визит Пушкина.

Вместо предисловия.

В четверг мне опять приснился Пушкин.

В ожидании гостей я варила яйца и чистила картошку, а в голове, пока она была свободна, подбирала незаезженную рифму к слову «привинчен шурупами». И тут в дверь позвонили.

На пороге стоял незнакомый мужчина в рабочей одежде.

– Привет, мать, – подмигнул он мне, по-хозяйски зашёл в квартиру и уверенно направился на кухню, а я с ножом и наполовину очищенной картошкой в руках побежала за ним.

– Эй, вы кто? Что вам надо?

– Аварийная служба. Сантехник-спасатель. У тебя засор в раковине. Вода не проходит. Люди ждут воду, а ты тормозишь.

– Всё у меня нормально! Я никого не вызывала.

– Меня не надо вызывать. Я сам прихожу, когда нужна

помощь.

– Ни черта мне от вас не надо. Немедленно уходите! Я милицию позову.

И тут мужик широко улыбнулся, и у него стали отрастать бакенбарды.

– Ну что, матушка? Не признала?

– Саша?! Пушкин?! – радостно изумилась я.

Пушкин весело рассмеялся.

– Ну а кто же ещё? Кто ещё придёт на помощь сестре по поэзии, когда у неё случилась беда и засор в мозгах?

– Какая беда? Какой засор?

Пушкин сел за стол и отодвинул кастрюлю с картошкой.

– Есть чё? Давай по полкружечки мадеры. Сердцу станет веселей.

Я достала бутылку вина и два бокала. Мы выпили. Пушкин занюхал недочищенной картофелиной.

– Ну вот смотри. Ты всё собираешься издать новый сборник своих стихов...

– Так давно бы уже издала. Кто мне обещал помочь с предисловием, а сам смылся?

– Не ной, матушка. Вот сейчас помогаю же? Так вот. Ты всё собираешься и собираешься. Как будто к защите диссертации готовишься. На Генеральной Ассамблее ООН. А народ безмолвствует и ждёт. Ты пойми, стихи это не мешки с цементом. Их ворочать не надо. Поэзия это птица, это бабочка. Парить и порхать это её суть. Легко и на радость всем. А ты

словно кирпичи кладёшь. Откладываешь.

– Ну накопилось много стихов. Не могу же я их просто в кучу собрать и вывалить?

– Кстати, неплохое название для сборника. «Куча стихов. Навалено Бэллой Слесарченко».

– Дурак!

– Короче. Что предлагаю? Пока ты наваливаешь основную кучу, издай небольшой сборничек своих стихов. Бесплатно. Потому что, как верно сказал Ильич, искусство принадлежит народу. Этакий пробничек. Ты, конечно, поэт авторитетный, но пока не всё человечество тебя знает. Вот пусть и познакомится. Как тебе идея?

– Ну... Может ты и прав.

– Не может, а точно! Пушкин плохого не посоветует.

Он поднялся.

– Ладно. Полетел я дальше.

Пушкин забрался на стул, а с него на стол. Уже открыв окно, обернулся.

– Кстати. Я бы на твоём месте «привинчен шурупам» заменил на «прибит гвоздями». Это я тебе не только как сантехник советую. Ну ладно, матушка. Увидимся. Не затягивай со сборником. Дантесы и Аннушки не спят, суки.

И Пушкин шагнул в небо и улетел...

Я проснулась с улыбкой на устах. На душе было тепло и уютно. Милый, милый! Он сдержал своё слово. Он всё-таки помог мне написать предисловие. Зря я на него бочку катила.

Так появился этот небольшой сборник. Как и обещала Пушкину, делаю его совершенно бесплатным. Потому что моё искусство принадлежит вам. Читайте, грустите и веселитесь вместе со мной. И готовьтесь к большой книге моих стихов. Она не за горами. Так пообещал сантехник-спасатель, Солнце Русской Поэзии наше всё Александр Сергеевич Пушкин.

Допустим

Стихотворение про настоящую любовь.

Ну вот, допустим, я ушла куда-то.
Ну я не знаю... Например, в декрет.
А ты, допустим, обнаружил брата,
Которого не видел тридцать лет.

И он, допустим, в прошлом мастер спорта.
А у него, допустим, есть жена,
Которой несмотря на три аборта
Подруга лесби до сих пор верна.

Допустим, у подруги есть мобила,
Жених в Кременчуге и диабет.
Ну ладно, с диабетом яхватила.
Допустим, диабета вовсе нет.

А есть, допустим, тётка в Магадане,
И у неё, допустим, был баян,
Который тёткин муж зимой по пьяни
Продал сестре соседа за стакан.

И вот, допустим, сын того соседа

Вдруг поступил, допустим, в универ.
Не в Магадане, а (в порядке бреда)
Ну, скажем... в Сингапуре, например.

Допустим, он там летом был когда-то
И ректора от крокодилов спас.
Или, допустим, ректорова брата.
Не так уж важно всё это сейчас.

И вот, допустим, мы от нашей фирмы
Летим на совещанье в Сингапур.
Там в перерыве пьём с тобой кефир мы
Под непрерывный лепет разных дур.

А в это время где-то в Волгограде
Какой-нибудь влюблённый инженер
К кому-нибудь подходит тихо сзади
И обнимает нежно, например.

И всё! Все крокодилы и баяны,
Соседки, братья, прочая родня,
Все сингапуры и другие страны,
Кефиры, лесби, дуры – всё фигня!

Всё это просто не имеет смысла
И полным бредом стало сразу вдруг.

Ведь в этот миг Вселенная зависла
В кольце его влюблённых сильных рук.

Анна Каренина

Прочитала книжку Толстого и поняла, что «Титаник» ещё не самый плохой вариант. А то, что все мужики сволочи, я и раньше знала.

Я плакать вслух не перестану –
Ну не могу читать без слез,
Как пополам разрезал Анну
Неумолимый паровоз.

Каренин клёвый был мужчина,
Но только, сука, злой, как зверь!
Его вторая половина
Располовинина теперь.

Толстой просёк все очень тонко
И расписал всё по уму.
Вот только эта расчленёнка
Ну совершенно ни к чему.

Здесь очень много тёмных пятен.
Что – паровоз исчадьё зла?
Не всем намек такой понятен,
Но я Толстого поняла.

Ведь эта Анна разрывалась
Промеж двумя. А это грех!
И паровоз помог ей малость
И разделил её на всех.

Она б могла родить им дочку,
От Лёши Вронского. Вполне.
Но машинист поставил точку.
И ведь не по своей вине!

Такой по замыслу Толстого
Был символический финал.
И паровоз, фырча сурово,
Блудницу в ключья разорвал.

Нечеловеческая сила,
В одной давилъне всех давя,
Её как муху раздавила,
Так, что аж брызнула кровя.

Никто не смог спасти беднягу –
Ни муж, ни Вронский, ни Толстой.
А если я на рельсы лягу,
Ты тоже скажешь: «Хрен с тобой...»?

Короче, мужики – уроды!
Но я запомню навсегда,
Что провожают пароходы
Совсем не так, как поезда.

Филармонический коньяк

Грустное стихотворение о пропащей жизни.

Пойду-ка я куда-нибудь схожу.
А фигли не сходить на самом деле?
Муж с другом чинит мазду в гаражу
Уже почти что полторы недели.

Свекровь который день мадеру пьёт.

Причём одна, меня не приглашая.
А деверь тот и вовсе идиот.
И на хрена мне в целом жизнь такая?

Схожу-ка я, пожалуй, на балет.
И посмотрю, допустим, «Риголетту».
А в перерыве я зайду в буфет,
Возьму бутылку Хеннесси, конфету.

Всё это молча и печально съем
И загрущу под музыку Россини.
Ну вот зачем всё это мне, зачем?!
Как оказалась я в такой трясине?

Ведь я могла бы космонавтом стать
И улететь в космические дали.
Но вместо этого я лишь жена и мать.
За что вы, суки, жизнь мою сломали?!

За что вы загубили на корню
Мою судьбу, измученную бытом?
И превратили в полную херню
Мечту души существованьем сытым?

И я сижу вот тут и пью коньяк
Под музыку покойного Россини.
А за душою полный, блять, голяк.
А за окошком – вечер тёмно-синий.

И шаток стол, и неудобен стул.
Да и репертуар какой-то жуткий.
И бог меня, зараза, обманул,
Представив жизнь мою дурацкой шуткой.

И этот день прошёл бездарно так,
Бессмертья не приблизив ни на йоту.
Густеет ночь. Кончается коньяк.
И завтра снова, сука, на работу.

Предел жизни

*Если вам плохо и грустно, значит, вы не туда смотрите.
Солнце, даже если его не видно, совсем рядом, за этими низкими чёрными тучами.*

Жизнь подходит к своему пределу.
За пределом жизни только смерть.
Если б у меня был парабеллум,
Я смогла бы быстро умереть.

Если б дали мне веревку с мылом
Или, скажем, калистый циан,
Я бы с Серафимом Шестикрылым
Улетела б в небо, как баклан.

Если бы булыжник мне на шею...
Если бы киркой по голове...
Я ж ведь даже бритвы не имею,
Чтобы чик по горлу – и приве...

И тащусь по жизни я уныло,
Жду неотвратимости конца.
Потому что, видимо, забыла
Хитромудрый замысел Творца.

О сатанинской природе графомании

О роковой ошибке евангелиста.

Однажды раз Евангелие мне
Попалось в любознательные руки.
И я его прочла по всей длине,
Спасаясь этим чтением от скуки.

Я прочитала много в книжке той
О том, что было до меня на свете,
О жизни иудейской непростой,
И как распяли Бога гады эти!

О том, как был Иисус кристально чист,
И как всё появилось в этом мире,
Подробно доложил евангелист,
Как трижды три и дважды два четыре.

Но Иоанн ошибся лишь в одном —
И я нашла в его словах изъяны!
Вначале было Слово. Но потом
Всю землю захватили графоманы!

Набросившись на Слово всей толпой,
Как дети Сатаны и Вельзевула,
Они его замучали собой!
И Слово захирело и взбледнуло.

И божий мир, устав от подлых ран,
Утратил красоту и силу Слова.
Я проклиная адских графоман!
Но перечту Евангелие снова.

И скушно, и грустно...

Навеяно Михал Юрьевичем Лермонтовым, тремя бутылками мадеры и безвозвратно уходящей жизнью.

И скушно, и грустно, и некого больше послать
В ближайший ларек за четвертой бутылкой мадеры.
Жевать? Но что толку опять всухомятку жевать?
И так обжевалась уже насухую без меры.

А стрелки часов отрезают от жизни кусок...
Его не пришить, не продать. Вот такая непруха.
И жизнь пролетает бессмысленно наискосок.
Заснешь молодой и пьяной, проснешься – старуха.

Пожухла совсем в целлюлите моя красота,
К которой мужчины недавно стремились так пылко...
И жизнь, как посмотришь, нелепа и так же пуста,
Как эта тоскливо допитая третья бутылка.

Пахнет август опавшей листвой...

Лето кончилось. Было, да всё вышло...

Пахнет август опавшей листвой.

Словно лета и не было вовсе.

Мокрый дождик канючит с тоской:

«Всё, кердык подошёл. Приготовься...»

Уронив за асфальт облака,

Небо грустно валяется в луже.

И повсюду, повсюду тоска –

И внутри у меня, и снаружи.

И печаль мне ничем не унять.

Осень грустно соплями повисла.

Вот и кончилось лето опять.

Без любви.

Без надежды.

Без смысла.

Осень это маленькая смерть...

Пока ещё светит солнце и радостные лица людей жадно ловят его живительные лучи. Но осень и слякоть уже не за горами... Такова жизнь. Любая радость кончается, любое лето умирает в сгнившей листве. Вы готовы?

Осень – это маленькая смерть.
Сырость, слякоть, ветер, грязь и сопли...
Можно стопроцентно помереть,
Если ноги в сапогах промокли.

Если птицы улетят на юг,
Нам оставив на асфальте лужи,
И листве осин придет каюк
В ветродуе той осенней стужи.

Если холод от дождей в груди,
И чихают все вокруг в простуде...
Лучшее, конечно, впереди,
Но боюсь, что впереди не будет.

Было так всю жизнь и будет впредь –
Опадёт, умрёт, сгниёт природа.
Осень – это маленькая смерть.

И у этой смерти нету брода.

Конец света

Этим стихотворением я хочу предупредить Бога о недопустимости действий, о которых он потом будет жалеть.

Этот мир закончится когда-то.

Может даже в пятницу уже.

Ждет нас кровожадно эта дата,

Сбросив всех с Земли на вираже.

И от нас останется всего-то

Горсточка протонов в темноте.

Ни попить им с бодуна компота,

Ни сходить на праздник в варьете,

Ни заняться сексом на природе,

Ни над сериалом порыдать,

Ни купить бумажек у Мавроди...

Всюду будет тишь да благодать.

Станет мир безводным и пустынным.

И совсем один, как полный лох,

Вечером тоскливым, скучным, длинным

Плакать будет одинокий Бог.

Сирый мир застынет коматозно,
И свою ошибку Бог-отец
Осознает, сука, слишком поздно.
Нас уже не будет.
Всё.
Пиздец.

На рыбалке хорошо!

Природа друг человека! Берегите природу-мать!

Погас костёр. А с ним и день.

Уха остыла.

А водки снова, к сожалень,

Так мало было!

На небе полная луна –

Вон, посмотрите! –

Висит над озером одна

Вся в целлюлите.

И черный полог в дырках звёзд

На небосводе.

Как гармоничен мир и прост –

Здесь, на природе.

Айда по грибы!

*Собирание грибов приносит порой минуты наслаждения.
Осенняя природа чревата прекрасными эмоциями.*

Люблю я тихую охоту.

Ну, в смысле, поиски грибов.

Проснёшься утречком в субботу –

«Ну что, мой друг? Ты как? Готов?»»

Возьмём мы водку и корзинки

И дружно влезем в сапоги.

Пойдём по узенькой тропинке,

Где не видать кругом ни зги.

Но скоро выйдем на опушку,

Где солнце светит сквозь ветвей.

Услышим щедрую кукушку

И посчитаем вслед за ней.

Потом пойдём искать грибы мы.

И очень много их найдём.

Грибы в лесу не истребимы!

Их до хренищи просто в нём!

Едят их ёжики и лоси,
Едят их зайцы и бобры,
Едят с листвой, а то и вовсе
С червями, но без кожуры.

Ведь витаминов в них навалом
На самый разный вкус и цвет.
А всяким прочим минералам
В грибах и вовсе счёта нет.

Не зря их кушать любят звери,
В лесах повсюду находя,
И мой покойный ныне деверь
Любил под водку съесть груздя.

И я с лукошком долго буду
Бродить в лесах промеж берёз,
Рискуя получить простуду
И прочий авитаминоз,

Ища лисичков и опят,
Ища горькушков и груздей.
А лес, грибы в траве припрятав,
Меня заблудит, лиходей!

Я окажусь в трущобе леса.

И закричу «Ау! Ау!»,
И не понявши ни бельмеса,
Тебя на помощь позову.

И вдруг, как зверь какой-то дикий,
Возникнув за моей спиной,
Ты прыгнешь из кустов черники
И овладеешь страстно мной.

И будем мы любить друг друга,
Грибы рассыпав по земле.
И звери смолкнут от испуга
С немым восторгом на челе.

И будет нам чирикать птица,
И жук ползти среди травы,
И ярко солнышко светиться
Промеж берёзовой листвы...

А после мы с тобой устало
Домой под вечер приползём.
Пожарим в сковородке сало,
И сядем есть его вдвоём.

И выпьем водочки с устатка,
Чеша укусы комаров.

И будет нам с тобой так сладко!
Ах, что за чудо – сбор грибов!

Ночное приключение

Зимний лес опасен! Особенно ночью. Не пытайтесь повторить мой подвиг. Берегите себя!

Луна висит над снежной ёлкой,
И тлеют звёзды в небесах.
Иду по лесу я с двустволкой,
Загнав поглубже дикий страх.

Сова сидит на ветке дуба
И тупо смотрит на меня.
Кричит ворона где-то грубо,
Безмолвье леса не храня.

Следы волков петляют в чаще.
В сугробе спрятался медведь.
Вот не была б в лесу я чаще,
Могла б от страха помереть.

Но я иду по лесу смело
Сквозь этот страшный чёрный лес,
Толкаясь лыжами умело,
Вдвоём с ружьём наперевес.

Меня увидев, волки сразу
Трусливо прячутся в кустах
И (уж простите эту фразу)
Стремглав бегут отсюда нах.

В лесу со мной шутить не надо.
Ведь я и подстрелить могу.
Или ударами приклада
Сломать вам череп на бегу.

Я очень меткий снайпер с детства.
Я ворошиловский стрелок.
От моей пули отвертеться
Никто практически не мог.

И каждый хищник знает это
И от меня бежит стремглав,
Дожить мечтая до рассвета,
Не повстречав мой буйный нрав.

И я бегу себе такая,
Зверей нисколько не боясь,
С природой леса ощущая
Телепатическую связь.

Ведь и сама я часть природы,

Причем внушительная часть.
Я главный козырь из колоды,
Который ей, природе, в масть.

Но впрочем, стих мой не об этом.
Об этом как-нибудь потом...
Так вот, уже перед рассветом
Я возвратилась в отчий дом.

И на крылечко сев устало
И лыжи скинув с быстрых ног,
Я тут же скрупулезно стала
Пробежки подводить итог.

И записав в фейсбук итоги,
Наметив на четверг дела,
Я рюмку выпила с дороги
И одиноко спать легла.

Надоело брить ноги

С завистью к мужчинам и гамадрилам.

Вот почему растёт на теле шерсть?
Ведь я давно уже не обезьяна.
А может это просто божья месть?
Но если так, то это как-то странно.

За что мне бог так отомстить решил?
Чем я ему так сильно насолила?
Была бы я, допустим, гамадрил.
Но я же явно лучше гамадрила!

Я, например, умею печь блины.
И вовремя всегда плачу налоги.
Но гамадрилы, суки, не должны,
А я должна брить постоянно ноги!

Им, гамадрилам, просто наплевать,
Что ноги их волосьями покрыты.
А что же с обезьяньев этих взять?
Они с рожденья самого небриты.

О как несправедлив жестокий мир!

О как судьба бывает беспощадна!
Нет, божий мир ещё довольно сыр.
Бог явно поспешил с ним. Ну да ладно.

Понять весь этот адский божий бред
Мне, чёрт его побрал бы, не по силам!
На свете смысла не было и нет.
Раз в нём везёт одним лишь гамадрилам.

Белый танец живота

*О, волшебная сила искусства! О, любовь и радость! О,
Бахус и Терпсихора! Вас пою в этом стихотворении.*

Когда на сердце маета
И нет в душе огня,
На белый танец живота
Ты пригласи меня.

Сольёмся мы с тобой вдвоём
Под музыки мотив,
Соединившись плотно в нём
И радости вкусив.

И все невзгоды и печаль
Стремглав тотчас уйдут
Навеки в призрачную даль,
И будет им капут!

И сердце снова оживёт!
И радость вспыхнет в нём!
И к животу прижав живот,
Мы счастье обретём!

Катастрофа на Дунае

Печальная история о пагубном влиянии алкоголя на любовь. Не повторяйте моих ошибок! Будьте бдительны.

На берегу Дуная
Лежала с бодуна я.
Прекрасна, как Даная,
Как роза, хороша.
Мечтая пасть до дна я,
На берегу Дуная
Была вам отдана я,
От страсти чуть дыша.

Со всей девичьей силой
Я вас любила, милый.
И страстную Далилой
Ждала любви от вас.
Но вы лежали рядом
Пьянящим в зюю гадом,
В меня уткнувшись задом,
Как полный пидарас.

Конечно, милый, зря я,
Во всём вам доверяя,

Перед вратами рая
Сказала: «Ну... чуть-чуть!»
И вот теперь лежу я
На этом вот пляжу я,
Клянусь вас, соплежуя,
И слёзы рвут мне грудь.

Поверив в ваши сказки,
Осталась я без ласки.
Кругом одни фиаски.
Ну как так?! Почему?!
А тут ещё и птица
Нам какнула на лица.
Ну всё! Пошла топиться.
В Дунае. Как Му-му...

Руки

Пронзительное стихотворение о любимых руках.

Я подняла твои большие руки
И молча положила их на стол,
В душе и сердце ощущая муки
Как большее из всех возможных зол.

Как эти руки мне давно знакомы!
Как сумасшедше я любила их!
До судорог, до хрипа, до саркомы,
До мурмурашек на щеках моих!

И вот теперь они передо мною
Лежали тихо на моём столе.
И взглядом, переполненным слезою,
Смотрела я на них в вечерней мгле.

И грустно улыбаясь, вспоминала,
Что этими руками делал ты!
И как мне их порою было мало
До судорог, до слёз, до хрипоты!

Вот этот шрам ты сделал на рыбалке,

Когда укушен диким лосем был.
Вот этот палец потерял на свалке,
Когда на ней директором служил.

А этот ноготь ты сломал в апреле,
Бутылку с пивом открывая мне.
Мы водку им тогда запить хотели,
Целуясь в парке ночью при луне.

Я помню всё, мой друг. Я не забыла
Ни волосинки на твоих руках!
Меня пленяла их лихая сила
И поражал невиданный размах!

Но жизнь порой жестокая такая,
Что душу рвёт буквально в лоскуты!
И я смотрю на руки, вслух рыдая,
До зуда, до морщин, до хрипоты.

Цунами любви

*Любовь не вздохи на скамейке! Любовь гораздо офигенней!
И ей подвержены и гейки, и бомж, и олигах, и гений.*

Я в юности влюбилась в космонавта.
Но тот куда-то, сволочь, улетел.
Он был похож на Валентина Гафта,
Когда тот Гафт ещё не облысел.

Потом я полюбила тракториста.
Тот был похож на Штирлица в очках.
Но дело тоже кончилось нечисто –
И тракторист слинял куда-то нах.

Потом влюбилась я в монтера Лёшу,
Который был на Крупскую похож.
Я думала, что я его не брошу,
Но только против сердца не попрёшь.

Я полюбила всей душою Зойку.
Она напоминала мне меня,
Когда я молодая в перестройку
Была полна задорного огня.

Но Зойку там за что-то посадили
(Она убила вроде бы свекровь),
И я, сдержать порыв любви не в силе,
Влюбилась сильно в космонавта вновь.

Но космонавт космические дали
Все так же безвозвратно бороздил.
И я опять ждала его в печали.
Уж больно снова стал он сердцу мил.

Вот так любовь жонглирует нами!
Вот так она верёвки вьёт из нас!
И страстных чувств могучая цунами
Смывает в океан любви на раз!

Мужу изменила

К сожалению, бывает и такое. Главное – сделать правильные выводы!

Однажды мне приснился страшный сон.
Я мужу в нём коварно изменила.
В любовниках был у меня Самсон,
А я была прекрасная Далила.

Ему я очень страстно отдалась,
Вдруг оказавшись у любви во власти.
Втоптав супруга этим самым в грязь,
Забыв о верности и о семейном счастье.

Не буду врать – любовник был хорош!
Мой муж слабей гораздо в этом деле.
Да, он уже не может так. Так что ж –
С Самсоном изменять ему в постели?

Да, бицепс у него совсем не тот,
И волосы в ушах растут погуще.
И песни пьяный он не так орёт,
И от него меня давно не плющит.

Но разве же он в этом виноват?!
Он может сам хотел бы быть Самсоном.
Но жизнь благоволит не всем подряд –
Кому-то быть цыплёнком потрошёным.

...Всё утро я проплакала в слезах,
Себя ругая подлой наглой дурой.
Поэтому, Самсон, иди ты нах!
Не соблазняй меня мускулатурой!

А КОЗЛЫ ЭТИМ ПОЛЬЗУЮТСЯ

Стихотворение о любви и её загадках.

В день святого Валентина
(Ну не сука ли ты, Вова?)
Ты нажрался, как скотина
И сказал, что я корова.

Ты ругался матом с мамой,
Отрубил ей свет в сортире.
И орал, что брат мой самый
Тупорылый пидор в мире.

Ты кричал: «Да ты, зараза,
Жизнь мне загубила на хер!
Я бы был бойцом спецназа,
А не блядский парикмахер!

Я бы стал бы мужем Джоли.
Или даже Пугачёвой!
А сейчас томлюсь в неволе
С тощей крашеной коровой!

Я Аршавиным мог стать бы

И чморить в хоккeй Канаду.
Тoлькo пoслe нaшeй свaдьбы
Этo нa хрeн мнe нe нaдo!

Ты мнe жизнь слoмaлa, сучкa.
Чтo я видeл oт тeбя-тo?!
Тoлькo крики «Гдe пoлучкa?!»
(Дaльшe мнoгo слoв из мaтa)»

Ты рыдaл, кaк сaмый-сaмый
Рaзнeсчaстный мaльчик в мирe
И гoрyчими слeзaми
Зaлил мнe вeсь пoл квaртирe.

А пoтoм уснyл нa стyлe,
Бoрмoчa, кaк вeсь хрeнoвo...
Ты, кoнeчнo, гaд, нo [фиг]ли?
Я лyблy тeбя лyбoгo.

Вeдь лyбoвь тaкaя злaя
И бeзмoзглaя зaрaзa,
Чтo лyблy тeбя кoзлa я
Дo истeрик, дo экстaзa.

А былa б мoя бы вoлa,
Я б тeбя дaвнo yбилa!

Эх, пойти напиться, что ли,
Чтоб забыть тебя дебила?

Прощальное

Хрупкое сердце разбить легко. Особенно сапогом. И только верная мадера всегда рядом.

Вот и всё, мой друг. Пипец. Финита.

Боливар не выдержал двоих.

Я сижу старухой у корыта

И пишу печальный этот стих.

Всё могло бы быть совсем иначе.

По-другому всё могло бы быть.

Только вот такая незадача,

Нам не сшить разорванную нить.

Ты, конечно, если честно, сука.

Но ни в чём тебя я не виню.

Будет полной дуре мне наука,

Так наивно верящей в херню.

Да, душа всегда к любви стремится.

А душе по роже сапогом.

Вытри кровь, израненная птица!

И лети отсюда прочь, бегом!

Ты потом залижешь эти раны,
Жалобно забившись в конуру.
А козлы и прочие бараны
Мечут пусть перед другой икру.

И потом, надев на грудь кольчугу,
Будешь ты тверда и холодна.
И пустив свою любовь по кругу,
Ты навек останешься одна.

Вот и всё. Прощай, подлец. Финита.
Хилым был твой жалкий Боливар.
Сердце снова на клочки разбито.
Вот такой у нас с тобой зашквар.

Бутылка мадеры

Иногда бывает так сладко доверить свою грусть бутылке. Но не увлекайтесь этим.

Отражается в луже печальный фонарь.
Время льдинкой застыло на стыке минут.
И предательски громко молчит календарь.
И лениво часы никуда не идут.

Сладко-горькой слезой расплылась на столе
Одинокая, грустная капля вина.
Утонуть бы в Неве или Па-де-Кале,
Раз я больше тебе ни на что не нужна.

Без тебя меня нет, без тебя я не та.
Без тебя мир рассыпался в прах. Ну и пусть!
Присосалась пиявкой ко мне пустота,
Умножая печаль и вселенскую грусть.

Уходи. Уноси моё сердце с собой.
Пусть придётся мне боль эту выпить до дна.
И заесть всухомятку солёной тоской.
И залить это сверху бутылкой вина.

Папы индиго

Нельзя преуменьшать эту опасность, нависшую над человечеством! Люди мира! Объединим свои усилия в борьбе с этим злом!

Шла я как-то летом вдоль забора
И стихи писала в голове,
Про подружку, внучку прокурора,
Сгинувшую замужем в Москве.

Отмеряли ноги в ритме ямба
Мой нелёгкий стихотворный путь,
Подбирая рифму к слову «нам бы»,
Подбирая рифму к слову «жуть».

Но закончить стих свой не успела
Я в тот злополучный страшный день.
Я споткнулась вдруг в траве о тело,
Оборвав своё стихотворень...

Тело то раскидисто лежало
В направленье головой на юг.
Я, признаться, струсилась немало,
Натолкнувшись на такое вдруг.

Тело было синего оттенка
И с раскрытым ртом на голове.
У него была в грязи коленка.
Даже, если честно, сразу две.

Присмотрелась я – и обалдела!
Тут же под забором на земле
Я нашла еще два синих тела,
Видимых едва в вечерней мгле.

Были все они в какой-то дряни.
И тогда я сразу поняла:
Да ведь это ж инопланетяне!
А верней их мёртвые тела.

Почему ж инопланетный разум
Так легко от жизни нашей мрёт?
Почему накрылся медным тазом
Их промежпланетный перелёт?

Неужели в нашей атмосфере
Что-то катаклизменное есть,
Что им не даёт по крайней мере
Ну хотя бы тупо выжить здесь?

Грустно я на трупы их смотрела,
С болью в сердце всхлипывая лишь.
Но внезапно шевельнувшись тело,
Затянуло про «шумел камыш».

И второе тело подхватило
Песню детства наших пап и мам,
Словно вдруг неведомая сила
Заиграла в этом теле там.

Словно подготовившись к контакту,
Нашу песню спели нам они.
И совсем мне горько стало как-то
От такой, блин, грустной, блин, фигни.

От того, что с дружеской планетой
Не сумели мы наладить связь,
И тела сынов планеты этой
Оказались втоптаннами в грязь.

Но когда потом и третье тело
Затянуло с ними «ла-ла-ла!»,
Ваша наблюдательная Бэлла
Сразу всё мгновенно поняла.

И душа моя от острой боли

Накренилась тут же набекрень.
Это ж пели жертвы алкоголя,
Под забором павшие в тот день!

Нет! Не гуманоиды вселенной,
Те, что долететь до нас могли,
Не какой-то разум техногенный –
Пели алкоголики земли!

Синие от беспробудных пьянок,
Грязные, как спившаяся рвань,
Пьющие буквально спозоранок
Всякую буквально срань и дрянь.

Эти алкаши из подзаборья
Словно в душу наплевали мне.
И она теперь болит от горя
Лишь по их умышленной вине.

Ведь они ж могли бы в Третьяковку
В воскресенье с детками ходить.
Или, проявив свою сноровку,
Эверест с семьёю покорить.

Или написать роман о Глюке,
Или, скажем, сочинить квартет.

Или, ловко взяв рубанок в руки,
Выпилить скворешник. Так ведь нет

Подавай им водку и винище,
Пиво, самогонку, спирт, кагор –
Чтоб залить с утра свои глазища
И свиньёю рухнуть под забор.

И валяться в луже пьяным в зюю,
В ней позоря всех своих родных,
Ползая с трудом в грязи на пузе.
Вот мечта единственная их!

О, алкоголизм, враг природы!
Что за дьявол выдумал тебя?!
Беспощадно косишь ты народы,
Водкою жестоко их губя.

От тебя же, гад, спасенья нету!
Сколько ты народу погубил?!
И в борьбе с тобой балладу эту
Не щадя пишу своих я сил.

Чтоб каждый пьяный алкоголик
Вдумался, проникнул, и постиг,
Я натерла об перо мозоли,

Написав стихи про пап-индиг.

Воспоминания об «Авроре»

Это стихотворение-воспоминание посвящается годовщине постановки крейсера Аврора в устье Невы на вечную стоянку именно в 1948 году.

Однажды в студеную зимнюю пору
Приехала с мамою я в Ленинград,
Сказав: «Отведи-ка меня на Аврору.
Ведь делают там из детей октябрят!»

«Мала ты ещё, – отвечала мне мама. –
Тебе ещё надо чуток подрасти!»
Но я на Аврору звала так упрямо,
Что было её мимо нам не пройти.

И вот мы вступили на борт теплохода,
Который народам свободу принёс.
Я шапку одела, поскольку погода
Стояла не очень – был сильный мороз.

Темнело. Нева, убелённая снегом,
Куда-то неспешно текла вдалеке.
Торжественно честь отдавая коллегам,
Матросы шагали по быстрой реке.

В лесу раздавался топор дровосека.
Вернее, на башне удары часов.
Аврора торжественно вот уж полвека
Стояла в тени ленинградских мостов.

И гордо над ней трепетал на морозе
Наш флаг, наш российский родной триколор!
И я, замерев в уважительной позе,
До капли запомнила всё до сих пор.

Сосущим чужое

Образец жёсткой патриотической лирики. Ибо нефиг!

Я купила себе чупа-чупс.
И немного его пососала.
И печально подумала: Упссс!
Лучше б съела я русского сала!

С чесночком, да прожилкой мяса!
Да на корочке чёрного хлеба!
После водочки или винца!
Вот что точно понравилось мне бы!

В этом сале российская ширь!
И бескрайность родимых просторов!
В нём былинный седой богатырь
Спрятал свой неуёмистый норов.

В нём раздолье бескрайней души
И простор разухабистых песен!
С салом мир даже без анаши
Очень светел и очень чудесен!

Что мне чуждая нам карамель –

Эта липкая сладость на палке
Из далёких заморских земель,
Превращённых в подобие свалки?

Нет, не та это радость! Не та!
То ли дело родимое сало!
И решительно я изо рта
Чупа-чупс этот мерзкий достала!

И швырнула его на панель!
И ногой подфутболила лихо.
Я, буржуи, вам, блять, не мамзель!
Я – российская наша чувиха!

Белый квадрат Слесарченко

Всем творцам художественным словом посвящается.

Передо мною снова белый лист.
Смотрю в него – и дрожь бежит по телу.
Он так внезапно, так невинно чист,
Что я буквально сильно оробела.

Чего он ждёт? Что хочет от меня?
О чём безмолвно просит мою душу?
Что обещает он, меня маня
Туда, куда я думать даже трушу?

Мне этот лист судья и прокурор,
Муж, сын, свекровь и зять в одном флаконе.
Он мне поддержка и глухой укор.
Он мне глоток воды в огне агоний

Он манит, словно белая дыра,
Меня лишая воли и отваги.
И вот я понимаю: Всё! Пора!
И тянется моя рука к бумаге.

И душу всю на рифмы изорвав,

Я кровью строк рисую акварели...
Мой белый лист! О как же ты неправ!
Из-за тебя котлеты пригорели.